

тельно подлинности албанских письменных знаков. Единственное, что можем смело утверждать, — это то, что в алфавите будут ошибки, вроде деформации отдельных знаков, искажения названий, нарушения порядка и т. п., но что он в целом так же хорошо отражает действительное положение вещей, как и другие алфавиты...» [1, с. 40].

Следует высказать, наконец, несколько соображений о языковой принадлежности речи, обслуживавшейся агванским алфавитом. Этот вопрос возникает в связи с тем, что обнаружение агванских эпиграфических памятников, и в частности списков алфавита на широкой территории распространения нескольких дагестанских языков (удинского, цахурского, даргинского), способно внушить мысль о возможности использования этого алфавита несколькими языками [24, 25]. Автор настоящей статьи склоняется к мысли, что таким языком должен был являться только удинский. В ее пользу помимо того обстоятельства эмпирического порядка, что не видно никаких конкретных оснований для учета какой-либо иной языковой традиции Агвании, говорят два соображения общего порядка.

Во-первых, при решении этого вопроса приходится считаться с обычно строго соблюдавшимся (в частности, и в кавказской действительности) в ту эпоху соотношением между определенным алфавитом и соответствующей религиозной традицией. Яркой иллюстрацией такого соотношения может, например, служить то обстоятельство, что православное армяноязычное население исторической Армении использовало в качестве языка богослужения грузинский и, напротив, грузиноязычные грегориане Грузии использовали в церковной службе армянский язык. Этим обстоятельством, как известно, и объясняются хорошо известные науке грузинские эпиграфические памятники Армении и армянские — Грузии. С другой стороны, именно по этой причине в Грузии с древней поры единым литературным языком как для собственно грузин, так и для мегрелов, сванов, абхазов и осетин служил грузинский. Не случайно, что и в самой Агвании появление памятников армянской эпиграфики связывается обычно с началом ее грегорианизации.

Во-вторых, агванистика располагает достаточно достоверными сведениями о том, что в прошлом ареал распространения удинского языка был несравненно более обширным, чем в настоящее время (последнее обстоятельство предполагается уже самим фактом становления агванской письменности, обычно невозможным вне общественных условий формирующейся государственности). Этот ареал охватывал значительную часть Северного и Западного Азербайджана, и прежде всего историческую область Утик по обоим берегам Куры и ряда ее притоков. Так, на юге он включал равнинную часть Карабаха, известную в прошлом как Гаргарская равнина, с Партавом (ныне Берда), где с 554 г. находилась столица Агвании — Гандзакой (ныне Гянджа), Мингечауром и «великим селом» Каланкатуйком на реке Тергер-чай. На западе он доходил по крайней мере до Тавуса (ныне Тауз) и Гардмана (ныне Гардабани). На севере удиноязычный ареал охватывал южные отроги Главного Кавказского хребта, включая районы Закатал (ср. в последней связи гипотезу некоторых исследователей, согласно которой современные грузины-ингилойцы, населяющие левобережье Алазани, являющиеся потомками удин, переключившихся некогда в силу конфессиональных соображений на грузинский язык, интересную как в свете ранее отмечавшегося единства антропологического типа ингилойцев и удин [26], так и в плане лексических и грамматических удинизмов в ингилойском диалекте), Нухи (т. е. исторического Шеки, население которого еще в X—XI вв. определялось арабскими авторами как удинское [27]) и Чухур-Кабалы (исторической Капалаки, развалины которой обнаружены в Куткашенском районе Азербайджанской ССР). Наконец, как свидетельствуют археологические исследования, поддерживаемые античной традицией, этот ареал, по всей вероятности, включал и равнинную полосу приморского Дагестана, доходившую